

ТЕАТР

только мог держать эту паузу Яншин! Его присутствие на сцене всегда было почти физическим ощущением.

С многими артистами МХАТа, и более других с Тарасовой, Яншиным, Раевским, Леонидовым-младшим, мне посчастливилось быть хорошо знакомым в жизни, испытать радость от человеческого их уважения, радость общения. Все это не могло не повлиять и на мое творчество. Особенно это сказалось во время работы над ролью Красса в «Спартаке». Я искал его характер не только в технике, пластике, мимике, но и в душевном состоянии, в эмоциях, управлении точной мыслью. Артисты МХАТа были на балете, хвалили меня. А ведь в а какой-то мере возвращал им свой «драг».

Помимо работы в Большом театре, я снимался в кино. С удовольствием вспоминаю съемки телевизионного фильма «В одном микрорайоне» М. Анчарова. Моими партнерами там были артисты МХАТа, ставля фильм также артист этого театра В. Шлюсский.

Восьмидесятилетний МХАТ необыкновенно молод, так много там талантливой и творческой интересной молодежи. Конечно, он в чистом виде другим, сегодняшним МХАТ, возглавляемый Олегом Ефремовым. Произошла смена поколений, но в главном Художественный верен своим традициям. Там работают прекрасные актеры — Прудкин, Степанов, Мирошниченко, Сикотульский, Попов... МХАТ по-прежнему школа актерского мастерства, и по-прежнему он на передовой позиции общественной жизни.

Эдуард КОЛМАНОВСКИЙ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

НРАВСТВЕННАЯ ШКОЛА

Для всякого культурного человека МХАТ, его творчество, его история — высшая художническая и нравственная школа.

Художественный театр оказал громадное влияние на мою жизнь, судьбу, на формирование моих творческих профессиональных интересов и пристрастий. Встретившись в раннем детстве с «Синей птицей», я навсегда полюбил театр, театральную музыку. Илья Сац остался одним из любимых моих композиторов.

Позднее мне довелось познакомиться и с музыкой других композиторов, сотрудничавших с МХАТОМ. Тридцать лет назад, когда праздновалось 50-летие Художественного театра, я работал на Всесоюзном радио музыкальным редактором и участвовал в организации радиопередачи «Музыка на сцене МХАТа» и «Станиславский и музыка». Я был захвачен, увлечен музыкальной музыкой. Меня всегда восхищало необычайно тонкое ее применение и то, что К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко привлекали музыку в свои постановки не с иллюстративной целью, а впервые в истории русского театра назначили ей высокую роль полноправного

художественного компонента в спектакле. Трудно представить себе, например, финал «Трех сестер» без удивительно точно найденного военного марша, усиливающего драматическую веселость сцены, или «Анну Каренину» без западающего в душу, щемящего вальса.

Мне выпала большая радость и честь написать музыку для нескольких мхатовских постановок. Моей первой в жизни театральной работой была музыка к комедии Шекспира «Двенадцатая ночь», поставленной Художественным театром. В спектакле играли молодые актеры — выпускники Школы-студии МХАТ. Может быть, поэтому пригласили и меня — тогда еще молодого композитора. Это приглашение явилось для меня событием в моей жизни, глубоким и радостным переживанием. Я навсегда останусь бесконечно благодарным режиссеру «Двенадцатой ночи» П. В. Массальскому, замечательному художнику, актеру, педагогу и человеку, поверившему в меня и доверившему мне такую ответственную работу. Мне тогда представилась возможность встретиться с такими выдающимися мастерами сцены, как А. К. Тарасова, бывшая в то время директором театра, В. Я. Станицы, принимавший также участие в постановке спектакля, с многими другими прекрасными актерами: некоторые из них впоследствии стали моими близкими друзьями.

А сравнительно недавно я написал музыку для спектакля «Станеверия» Г. Бокарева (постановка О. Ефремова).

Каждая совместная работа с Художественным театром, где проникновенно, бережно и чутко относятся к музыке, каждая встреча с его талантливейшими режиссерами, актерами, с его превосходным оркестром всегда доставляли мне истинную творческую радость, о которой неизменно вспоминаю тепло и благодарно.

Б. Г. ЕРОЗОЛИНСКИЙ,
доктор философских наук

И для грядущих поколений

МХАТ вошел в мою жизнь в раннем детстве. Мой отец, московский врач, был большим театралом, особенно он любил МХАТ. Дома я часто слышал имена Станиславского, Немировича-Данченко, Тарасова, Андреева, Становой, Качалова, Москвина... Сам я стал бывать на спектаклях, как только позволил возраст.

Учился я в 169-й школе, над которой шефствовал МХАТ. Итак, начало моей жизни протекало словно в окружении МХАТа. Художественный не только открыл мне искусство театра, он открыл для меня мир искусства вообще. Впечатления от спектаклей, от сценических персонажей бурно жили воображением, чувствами, фантазией. И даже теперь, думая о тех годах, вспоминаю родных и друзей, в кругу среди них Москвина — царя Федора, Качалова — Барона, Хмелева — Каренина, Книппер-Чехову — Раневскую и многих, многих других. Они вошли в мою жизнь, как вошла и литературная тарап Пешкова, Толстого, Достоевского.

На всю жизнь сохранилось воспоминание об одной из репетиций «Мертвых душ», вел ее Немирович-Данченко. Нам, подшефным школьникам, разрешили присутствовать. А потом я и сам сыграл... на сцене МХАТа. Произошло это следующим образом. В школе я посещал драмкружок, вел его артист Художественного Николай Кошкин. К одному из школьных вечеров мы приготовили «Слугу двух господ», где я играл Труффальдино. Наши вечера обычно проходили в здании МХАТа, которое благородно предоставляли нам шефы. Школьные спектакли разрешали играть на своей сцене, даже помогали с декорациями. Поступил в МГУ на физико-математический факультет, а тут же записался в драматический коллектив клуба МГУ. Занятия у нас вели опять же артисты МХАТа А. Чехан, К. Бабинин, Н. Титушин.

Я по-прежнему часто бывал на спектаклях МХАТа. Многие из них смотрел по 10—15 раз. Я возвращался к ним, как возвращаешься к любимой книге и каждый раз находишь что-то новое для себя. Со временем я понял, что именно МХАТ открыл мне Чехова. Чеховские спектакли были совершенно удивительные. Игра замечательных актеров — абсолютно безусловная, переживания — искренние, глубокие, но по-чеховски сдержанные, словно наружу выходящие лишь слабым отголоском, сильным внутренним потрясением. Невозможно было смотреть спектакли без волнения, слез, душевного трепета. И каждый раз что-то очень хорошее оставалось в душе. После тех спектаклей смотреть Чехова в других театрах, в других, как принято считать, современных интерпретациях я просто не могу. Чеховские спектакли воспитали во мне абсолютное неприятие пошлости, жестокости, зла. Вообще спектаклям Художественного в образы во многом своим нравственным, эмоциональным, эстетическим воспитанием.

С искренним удовольствием я посматриваю во МХАТе «Союз часов с боем» — спектакль, ставший «любимой песней» Андреевской, Яншина, Грибова.

Уважение ильинского руководства театра в старшему поколению говорит и о будущем театре. Пусть и для грядущих поколений МХАТ станет тем же, чем всегда была и будет для меня.

Сколько судеб, сколько человеческих характеров вдохновенно и достоверно воплощали и воплощают на подмостках Художественного театра его прекрасные мастера разных поколений! Вот лишь несколько образов из той портретной сценической галереи, что создается здесь уже восемь десятилетий.

Акварели художника П. Скотаря из серии «Народные артисты СССР».

В. И. КАЧАЛОВ —
Варшавин («Бронепоезд 14-69»).

А. П. ЗУБОВА —
Королюшка («Мертвые души»).

М. И. ПРУДКИН —
Крутицкий («На всякого мудреца довольно простоты»).

А. О. СТЕПАНОВА —
Колыхова («Чрезвычайный посыл»).

А. П. КТОРОВ —
Бернард Шоу («Малый жиган»).

О. Н. ЕФРЕМОВ —
Потопов («Заседание парткома»).